

Мягков Андрей

116) 96.
(из 116)

ПЕРСОНА

Андрей Мягков: «Нельзя посадить кактус на севере»

Век. — 1996. — № 6. — С. 11

Григорий КАБАНЦЕВ

Один из немногих русских актеров, известный за рубежом. Один из совершенно немногих нестарых, но уже народных артистов, не мелькающий на тусовках. Наконец, один из трех-четырех человек на отечественной сцене и в кинематографе с незвездной, неброской внешностью, но тем не менее обожаемый тысячами женщин на одной шестой части суши. Наш собеседник — Андрей МЯГКОВ.

— Роли, по которым вас знают все — в «Иронии судьбы», «Служебном романе» и «Днях Турбиных», — как бы соответствуют вашей фамилии: вы играете людей мягких, интеллигентных, сентиментальных, пожалуй. Это действительно свойство вашего характера или режиссерское клише, которому вы вынуждены следовать?

— Еще до того, как заняться этой профессией, мне знакомые говорили: «Ну что ты, Андрюша, куда?! Ты ведь такой сентиментальный, как ты будешь играть?» Но я вбил себе в голову, что стану артистом, а артист должен уметь играть все. Предлагается по сценарию мягкий неудачник — значит, надо стараться откуда-то вытащить все, соответствующее персонажу. И нельзя меня с этими ролями ассоциировать — я не такой...

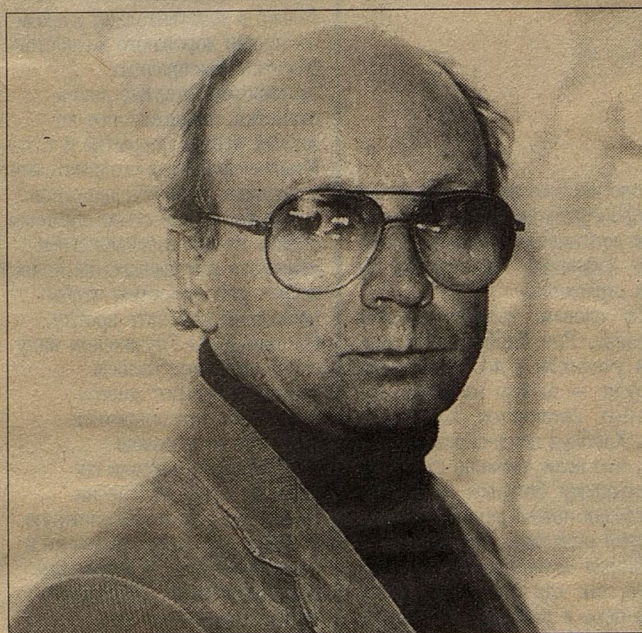
— Хорошо, тогда какой вы? Какими вы были в детстве — деркали девочек за косы, вешали кошек, били окна футбольным мячом? В общем, мечтали стать героем?

— Ну, нет уж... Темные пятна в моей биографии, может, и есть, но такие мрачно-черные?.. Я понимаю газетчиков, раскапывающих интригующие подробности личной жизни Клинтон. Но я же не Клинтон! О не известных никому сторонах собственного характера можно вещать либо неискренне, как бы выставляя себя напоказ и тихо любуясь, либо как-то уничтожительно, с надеждой на перспективу последующего подъема-возвышения. Я много читал актерских исповедей и мало кому из

них верю. В основном все рисуются. Я не осуждаю, но мне это не нравится. Кому какое дело, каким Мягков был в детстве, юности, каким к старости подожу?

— Ну хорошо, но о ваших взаимоотношениях с режиссерами вы рассказать можете? Или о том, например, как вы

в кино. В театре, кстати, неталантливый человек очень немног. Там, в отличие от фильма, нет способов спрятать отсутствие таланта, актерские недоработки. Профессия требует многих ограничений, и случайные люди из театра уходят, когда видят, что много здесь не заработаешь, лавров особых не снискаешь...

ФOTO ИТАР-ТАСС

ведете себя сейчас на киноплощадке, подчиняетесь «гласу с небес» или полностью растворяетесь в режиссерском замысле?

— Сейчас на киноплощадке я себя никак не веду — меня два года не снимают. Кто-то, не имея таких предложений, начинает бить в колокола, пытается заинтересовать собою — ну это зависит от темперамента. В мои жизненные представления это не входит.

Когда же я был студентом школы-студии МХАТа, я представить себе не мог, как какой бы то ни было режиссер может лезть с советами, а тем более навязывать что-то, диктовать таким корифеям, как Масальский, Кедров, Грибов, которые учили нас актерскому мастерству. Потом я повзрослел. И нашел простое сравнение. В лучшем оркестре могут собраться талантливейшие солисты. Но без дирижера это будет не оркестр. То же самое на сцене и

— Ни одной фамилии режиссера, с которым бы вам тяжело было работать, вы не назвали. Весьма тактично... Ну а с актерами-звездами благодаря вашему характеру вы ладите в кадре и за кадром? С такими сильными личностями, как Фрейндлих в «Служебном романе» или Михалков в «Жестоким романсе»?

— Не срабатывать с Алисочкой просто невозможно. Как-то бурчать друг на друга... Не представляю. Это уникальная данность, явление в искусстве. С Никитой же и в жизни, и в общении бесконечно интересно. Я к нему, особенно в последнее время, отношусь не просто, но он так многомерен и умен... Такой авантюрист! Конечно, он имел начальное благополучие от папы, но как раз в то время, когда папа стал никем, Никита вдруг начал блестяще снимать! Раньше он был таким советским Дон-Жуаном в искусстве. Его назы-

вали «стахановцем». Он не стахановец, он... благополучный канатоходец! В моем понимании артиста он — большой режиссер.

— Во время съемок «Иронии» вы, похоже, здорово поработали с Эльдаром Рязановым, раз он взял вас на главную роль в свой следующий и также имевший большой успех фильм «Служебный роман»?

— Когда работа над «Иронией судьбы» была в целом завершена, мне вдруг что-то понадобилось узнать от Рязанова, и я снял трубку телефона. «Господи, Андрей, ты можешь на неделю исчезнуть?» — прогрохотало на другом конце. — Пойми, я не могу тебя видеть! Примерно такая же реакция у актера на самого себя: после того как он на озвучивании сотню раз посмотрит на собственную физиономию, готовый фильм смотреть уже сил нет.

Сейчас Рязанов, к сожалению, не звонит. У него огромные сложности — с картинками, с деньгами. И в том, что последний на сегодня его фильм «Предсказание» получился не лучшим, наверное, не только его вина. Из-за ряда обстоятельств он снял его не так, как хотел.

В Москве злые языки говорили, что Эльдар Александрович слишком ко многому сразу хватался. Но ему ведь никто не помогал. Когда-то он нес свои талантливые сценарии в театр лишь потому, что авторские в театре были выше киногонораров. Та же «Ирония» с Брагинским в соавторстве первоначально была поставлена в театре под другим названием. Потом Рязанов смягчал что-то и делал кино. Это же все была борьба за выживание. Он не считал себя ни драматургом, ни поэтом, но, постигая жизнь каждый день, он не гнушался никаким трудом.

— Вы говорите о том, что происходящее в стране негативно сказывается на жизни и работе даже таких признанных мастеров, как Рязанов. Вы переносите это негативное отношение на всю нынешнюю действительность?

— К сожалению, то, что происходит в России, логично, по-другому быть и не могло. Еще

два года назад я бы сказал вам — предстоящее прекрасно! А сейчас боюсь, мне уже не удастся увидеть Россию, зажившую реальной, а не экспериментальной жизнью. Впрочем, мне легче рассуждать — я не нищий, хоть и живу от зарплаты до зарплаты.

Что же касается искусства — что бы ни говорили, в 60–80-е годы оно в нашей стране шло на подъем. СССР в тот период был единственным государством в мире, в котором искусство стало чем-то важным для зрителей, читателей, слушателей, определяющим судьбы... А сейчас мы не без успеха перенимаем западные ценности, где искусство вспомогательно.

— Вам сейчас страшно за детей?

— У меня детей нет, но мне страшно за моих маленьких сограждан. Это очень глубокая тема... И при этом отправка их богатыми родителями за границу навсегда — это страусиная позиция. Нельзя посадить кактус на севере или ель в пустыне. Я часто бывал за границей. Бывал, наверное, в полусотне семей наших переселенцев. Ни одного счастливого, состоявшегося в их театре или кинематографе, не встречал, единицы лишь подтверждают правила. Общество их отторгает, русские там — люди второго или третьего сорта, и так будет всегда, даже если у них появится машина, дом, престижная работа — это ничто по сравнению с тем, что общество, пусть не вслух, считает тебя изгоем.

— Пошедшие было в политику в конце 80-х отечественные актеры, режиссеры, поэты сейчас в большинстве своем бегут из нее. А может ли художник быть совершенно вне политики?

— Настоящего художника всегда бесконечно волнует происходящее в мире. Сегодня, например, он вряд ли может жить спокойно, ставя «Мадемуазель Нитуш». И вот Ефремов сегодня ставит Чехова не потому, что подстраивается, а наоборот, ассоциирует Чехова с болями сегодняшнего дня. Мне кажется, что гражданственность в искусстве обязательна.